

Океев Толомуш
(1923-24) 100% (100%)

Толомуш ОКЕЕВ:

«Нам никогда не обойтись друг без друга»

В апреле 2001 года Конфедерация союзов кинематографистов провела ретроспективу фильмов киргизского режиссера Толомуша Океева и круглый стол под названием «Толомуш Океев: феномен времени, места или личности?». После долгого отсутствия режиссер приехал в Москву на встречу с коллегами и друзьями. Говорили о фильмах, о совместной работе. Вспоминали и строили планы. Но им не суждено было сбыться — через несколько месяцев Толомуша Океевича не стало. 11 сентября 2005 года ему исполнилось бы 70 лет. Материалы той встречи сохранились в архиве Конфедерации — вспомним сегодня этого замечательного режиссера.

Валерий ФОМИН (киновед): Я посмотрел «Небо нашего детства» Толомуша Океева после очень-очень большого перерыва и сейчас, на новом витке истории, убедился в том, какое это потрясающее живое, настоящее кино, глубокое, умное, страстное, темпераментное, это идеальное кино по структуре, по модели, по задачам, в нем заложенным. Там есть какие-то локальные недоработки, но именно по программным установкам, по главному результату это такое кино, которого, как мне кажется, нам не хватает сегодня. Может быть, поэтому так живо и остро его воспринимали зрители.

Мне посчастливилось увидеть не только фильмы Океева, но и как он работает. Если останется время, я еще повспоминаю. А сейчас давайте поговорим по свежим впечатлениям. После долгой разлуки хотелось бы узнать у Толомуша Океевича о его жизни, о планах и так далее.

Толомуш ОКЕЕВ: Первый фильм я снял 35 лет назад, последний — 15 лет назад. Многие фильмы и сам давно уже не видел, поскольку находился, как говорит Олжас Сулейменов, «в турецкой берлоге», и сейчас особенно волнительными были встречи с молодежью. У них своя «песня», своя жизнь, свое видение. Понимают ли они нас? Мы все-таки люди прошлого века, мои фильмы тоже из прошлого века. Я счастлив, что они приняли, поняли, что аплодировали и кричали «браво!». Всем творческим людям желаю такого счастья.

Шесть лет работы послом в Турции, в Израиле, в бюрократической клетке для меня были, честно говоря, временем рабства, ведь мы привыкли творить — ошибаться, но получать результаты своего труда, привыкли летать. Но и эти годы не прошли даром. С ныне покойным моим другом Леонидом Абрамовичем Гуревичем мы сделали проект большого «Моста» о евразийских делах, сейчас к нему присоединился Владимир Федорович Огнев. При реализации проекта не обойтись без Турции, без наших бывших республик, тем более не обойтись без России. В XXI веке мы друг без друга не можем жить, сколько бы ни получали самостоятельности, сколько бы ни было у нас замечательных президентов. Я в России, в Москве не чувствую себя иностранцем и не хочу чувствовать — все мои друзья, все мои коллеги здесь. Это мой дом, я здесь экзамены сдавал на Высших режиссерских курсах. Здесь Нея Марковна Зоркая учила нас кино делать, здесь мы видели великих мастеров, слушали их. Куда мы денемся от всего этого? Родителей Бог дает, соседей тоже Бог дает, и нам никогда не обойтись друг без друга. Кино — это одна нация. Мы не можем существовать без общения, без обмена фильмами. Поэтому сколько мне хватит сил, я буду работать на укрепление и процветание Конфедерации союзов кинематографистов, кто бы и что бы ни говорил. Мы люди настырные, стойкие, будем бороться за это дело. Спасибо, что вы устроили для меня такой праздник общения.

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ (кинодраматург): По-моему, есть смысл рассматривать эту ретроспективу не только как дань уважения нашему другу и коллеге, а как некий факт сегодняшнего кинематографа. В рассуждениях Неи Зоркой совершенно точно отмечено, что восточное кино, которое сейчас является предметом восторга во всем мире, было зачато здесь. И в этом смысле фильмы Толомуша Океева, мне кажется, могут быть своеобразным камертоном, поскольку мы все время говорим — где те идеи, где те свежие представления о мире и о людях, о жизни, необходимые художникам для

того, чтобы выйти на позиции серьезного искусства.

Мне кажется, что шесть лет, проведенные Толомушем в качестве посла, — действительно не лучшие годы его жизни, потому что он не сумел сделать того, ради чего он поехал — объединить Турцию с Израилем. Ведь Толомуш был специально назначен послом в эти две страны, чтобы покончить со многими проблемами на Востоке.

Опыт наших ретроспектив показывает, что есть огромный зрительский интерес к тому, что было сделано тогда и что делается сейчас в разных национальных кинематографиях. Поэтому, думаю, надо вернуться к лектории, к новому типу кинолектория. Ведь, как известно, все новое — хорошо забытое старое. Его можно сделать на базе Дома Ханжонкова.

Валерий ФОМИН: Я хотел бы, чтобы коллеги-киноведы, писавшие в свое время о фильмах Океева, ответили на вопрос: Толомуш Океев тогда и Толомуш Океев сегодня — один и тот же для вас человек, изменилось ли ваше восприятие его картин, перефокусировались ли акценты?

Ирина ШИЛОВА (киновед): Были времена, мы их прожили. И нечего нам стыдиться названия «советское кино», оно просто так называлось.

Мир, в котором живет художник, им как бы сначала должен быть увиден впрямую, увиден таким, каким он существует. Все, что он принесет от себя, в зависимости от таланта, от темперамента, от способности к эмоциональным проявлениям, это как бы сверх того. Картины Океева вводили нас в некую мало знакомую реальность, не спекулируя на экзотичности. В них главное — не упоение предъявленными особенностями национальной жизни, а заглядывание вглубь. А глубина, я думаю, наверное, у всех людей, живущих на Земле, одна, потому что все люди любят, женеются, рожают детей, со временем умирают. Это происходит со всеми и на всех географиях. В «Небо нашего детства» не было красоты, а были глубинная человеческая красота и простота сюжета, и простота происходящего на экране. Раскрывались именно эти свойства.

Сегодня после многих искушений, после множества попыток вернуть зрителя в ки-

нотеатры, сделать нечто, похожее на то, что делается за рубежом, произошел кошмарный сбой. Дело даже не в киллерах. О киллерах тоже, думаю, можно рассказать философскую историю. Вспомним хотя бы «Крестного отца». Это ведь фильм о не самых замечательных людях, которых подарило миру человечество. И между тем мы смотрим его и узнаем нечто большее, чем просто о «крестных отцах» или мафиозных группах. Мы узнаем еще и о людях.

Толомуш Океев пережил некую эволюцию в своем творчестве. Начал с истории, в ней он был повествователем реально происходящего и ввел меня в мир, где есть нечто необыкновенное. Я по земле вошла в этот мир, прожила в нем недолгий срок, срок сеанса, и вобрала его в себя как часть своего собственного бытия. Вообще, если кино начинается с того, что человек пытается понять мир вокруг себя, не усложняя это увлекательным сюжетом, а просто повествуя о жизни людей: как они живут, как ухаживают за животными, как относятся к своим детям, внукам — для меня это тот жанр жития, который я безумно люблю, и мне кажется, что часто он является стартовым для развития искусства. Начав с того, с чего начал Толомуш, можно идти дальше, и тогда в «Улане» может появиться не только зона жизни, но и символическая, по сути дела, история, приносящая нам целую сумму метафор, преобразование художником реального мира, отстранения, и все это звучит, работает на новом витке развития кино. Такие странные «сломы» ведь не раз происходили (вспомним слом Кыры Муратовой от «Долгих проводов» к «Познавая белый свет»). Происходят эти сломы в 70-е, и художники начинают переходить на другой язык, искать другую форму выразительности, способ сообщить людям о драмах, о чудовищных драмах жизни.

Толомуш Океев как бы длил свое творчество в каждой картине, находя ключ, которым можно открыть сегодняшний мир. Появились романтические, символические нотации. Бывает эпоха разочарования и эпоха без очарования. И культура все время как бы стремится пройти эти витки, опять возвращаясь к очарованию.

Мне кажется, что если бы наше сегодняшнее кино вспомнило, как начинал Толо-

муш, оно, наконец, нашло бы то, с чего можно делать первый шаг, и это для меня главное. А потом оно, может быть, уже пошло бы той жизненной тропой и попробовало бы не реанимировать былое, а взять из былого то, что сегодня может быть уроком не только для отдельных художников, а для киноискусства в целом. Я благодарна Толомушу, потому что его творчество — это одна из страниц истории кино, формировавших меня как личность.

Нея ЗОРКАЯ (киновед, кинокритик): Так ли мы сегодня смотрим фильмы Океева, как мы их смотрели тогда? Думаю, смотрим по-разному. Я позволю себе привести пример. Фильм «Монолог» Ильи Авербаха по сценарию Евгения Габриловича — там старый академик уходит с директорского поста, возвращается в лабораторию. Я специально пересматривала прессу: тогда все писали именно о его смелости. И никто не написал о том, что мне кажется главным в «Монологе», о том, что это глубоко несчастный, одинокий человек, для которого жизнь сосредоточилась в его внучке. Потрясающая сцена: проходит международный конгресс, он сидит в президиуме, вдруг к нему подходят какие-то люди, что-то говорят ему, он встает, хватается за портфель, бежит на вокзал и твердит только одно: «Ниночка больна, Ниночка больна».

И возвращаясь к Толомушу Окееву, скажу: меня поразило то, что, мы не замечали тогда как следует. В «Лютюм», например, главное даже не социальная тема, богатые и бедные, а именно сиротство мальчика. Ведь это потрясающие сцены, когда мальчик убегает на кладбище, где лежат его родители. Этот одинокий мальчик и это его альтер эго, волчонок, который ему отвечает чудовищной благодарностью.

Вспомним «Потомка Белого барса». Эпопею невероятной красоты. Потрясающие пейзажи, как всегда у Океева. Конечно, пластика и пейзаж у него в большом порядке. Но здесь он должен сказать спасибо своей стране, потому что такой ландшафт, как в «Лютюм», мы не смогли бы увидеть, если бы поехали, к примеру, в Узбекистан. А в фильме просто потрясающие аксакалы, лошади. Вот, скажем, пишут, что китайское кино открыло красоту табунов лошадей. Это кто открыл?

Какой же у Океева пружинистый сюжет, жесткий, логичный! «Небо нашего детства» — отдельная статья. Я на Высших режиссерских курсах всегда показываю этот фильм. На меня огромное впечатление произвели «Лютый» и «Потомок Белого барса». И «Поклонись огню» тоже. Как историко-революционный фильм он совершенно особый, замечательный. Одним словом — перед нами великолепная режиссура.

Мне хочется горячо поддержать мысль Рустама о серьезном кинолектории. Нам нельзя ждать милости от природы, от Российского союза. Мы должны сами заботиться о том, чтобы открыть лекторий. Я вижу реакцию молодежи, ее интерес. Мы действительно должны популяризировать нашу киноклассику.

Ходжакули НАРЛИЕВ (режиссер): Я вспомнил одну туркменскую поговорку: «От дождя рождается земля. От многих благословений рождается мужчина». И то и другое в жизни каждому из нас доводилось видеть.

Там, где я родился и жил, на маленьком разезде, был огромный такыр — земля, где вообще ничего не растет. Она абсолютно гладкая, вода на ней не задерживается. Она, как на бетоне, скользит и куда-то уходит. Был год, когда прошло очень много дождей, и такыр зашел. Если много-много воды, много дождя, то любая земля расцветет.

И было время, когда на всех наших «такырах» оказалось много воды. Но ее оказалось больше в Киргизии. Вот на днях мы сидели с Толомушем и говорили: если бы не кино, которое он вдруг узнал, наш остроумнейший Толомуш был бы хорошим юмористом в каком-нибудь аиле, а больше нигде он просто физически, наверное, и не мог бы выразиться. И вдруг настало время «дождей», то есть были созданы атмосфера, аура, обстановка, и пришло время людей, которым Аллах дал талант уметь рассказывать о том, что они видят и понимают. Кино оказалось в руках талантливых людей, и им представилась возможность рассказать о своей стране, о своем народе, поскольку они прекрасно его знают.

Я хочу привести одну историю. Из песков туркмен уехал в город, а когда вернулся, старики спрашивают его: что ты там видел? — Я ходил по городу. Там все дома на одно лицо. Все улицы на одно лицо. Другое дело наши барханы — каждый имеет свое лицо.

Вот для того, чтобы уметь видеть отдельное, особое «лицо» каждого бархана, надо родиться таким, каким родился Толомуш. И

у него должно быть такое оружие, такая возможность, как кино.

Понимаете, в пастухи люди идут по разным причинам: для кого-то это возможность получать зарплату, элементарно жить, но я знаю пастухов, которые придумывают музыку и играют ее для овец. И овцы слушают музыку, если пастух душой живет со своей отарой. И вот счастье Толомуша, что Бог дал ему талант уметь разговаривать и с горами, и с волками, и с овцами, и с воздухом киргизским, и уметь его передавать. Если бы этого сплочения не было, то не было бы сегодня Толомуша, не было бы и его фильмов. Мне кажется, что после их просмотра несправедливости в мире становятся меньше.

Владимир ОГНЕВ (драматург, режиссер): В моей скромной кинематографической биографии, вероятно, будет перевернута еще одна страница. Конечно, очень рискованно в моем возрасте и после большого перерыва возвращаться в кино, второй раз входить в одну и ту же реку.

Я хорошо знаю произведения Толомуша Океева, поэтому согласился принять участие в проекте "Мост". Рано ушедший от нас драматург Леонид Гуревич и Толомуш Океев заложили его основу. Я верю, что если проект осуществится, он станет заметным вкладом не только в кино, но и вообще в мировоззрение нашего общества. Что такое "мост" как символ? Когда-то босниец Иво Андрич, великий романист, сказал, что мост — это самое прочное, что построил человек.

В России живет несколько десятков миллионов турков. И турки, и славяне, эти две цивилизации и культуры должны быть вместе не только в историческом сознании. В Париже от имени международного Литфонда я подписал предварительное соглашение, очень перспективное, с Министерством культуры Франции. В Буживале под Парижем находится музей Тургенева. Сейчас есть возможность спасти этот очаг русской культуры во Франции. И международный Литфонд пытается это сделать. Я пригласил Олжаса Сулейменова и Чингиза Айтматова приехать в музей Тургенева на вручение им премии "За честь и достоинство таланта". Мы хотели вручить эту премию именно там. Почему? Они пишут на языке Тургенева. Это общая культура, культура киргиза, культура казаха, обогащенная русской культурой и взращенная совместно. Вот одно из проявлений названия "Мост".

Существует легенда: Бог просыпал мешок с языками, и они рассыпались в Дагестане. Там рядом живут люди 52 национальностей, их селения в горах над пропастью соединяют висятые мостики. Мы хотим, чтобы люди, живущие в разных концах Земли, постарались ответить: можно ли найти мир на Земле? Мне кажется, все творчество Океева — проявление чувства непосредственного, национального, живого и философского единения людей. А в наше время, в XXI веке, без толерантности человечество вообще может оказаться в тупике.

Давлат ХУДОНАЗАРОВ (режиссер): Я на секунду представил себе, что было бы, если бы не было Толомуша Океева. Лично для меня это была бы просто жуткая беда — я бы не встретился с удивительным миром, который меня сопровождает на протяжении многих лет с момента просмотра фильма "Это — лошади", а потом и "Неба нашего детства".

До него и до Ходжакули Нарлиева были талантливые фильмы, талантливые режиссеры. Но у меня было ощущение, что вроде бы все — и костюмы, и еда на столе, и плов, и небо, и горы — все существовало как-то вхолостую: жизнь сама по себе, а то, что на экране происходит, само по себе. Это был некий усредненный, с внешними проявлениями национальный кинематограф. Заслуга Толомуша в контексте нашей истории, истории культуры заключается прежде всего в том, что его фильмы набирали тот оборот, который и сделал их частью подлинной культуры. Все, пришедшее на экран, стало отражением пережитого, прочувствованного до глубины души, отражением того, что уже нельзя было держать взаперти в эмоциях. "Небо нашего детства" — яркая вспышка, и не случайно фильм затронул тему распада патриархальной жизни, сложившегося столетиями уклада жизни, где все было логично — каждый шаг, каждый взгляд, каждое движение.

Я очень хорошо помню первый просмотр "Неба нашего детства" в 1967 году, помню, что у меня перед глазами были моя бабушка и мой дед, которые в одиночестве дожидали свой век в горах на Памире. И хотя в детстве меня окружали другая природа, другой быт, другие обычаи и традиции, глубинный жизненный пласт, поднятый Толомушем Океевым, стирает эти различия, начи-

то стирает — и ты видишь самого себя и всех, кто тебя окружает, и ты являешься частью этого мира. Его герои, их переживания — потом все время тебя сопровождают, это тот мир, где ты действительно короткое время побывал. Это высшая степень обобщения, когда неважно, где люди смотрят эти фильмы, когда заложенные там добро и зло воспринимаются в одинаковой степени, независимо от твоей предыдущей жизни.

После второй встречи с "Небом нашего детства" возникали иные спектры сопереживания тому, что происходит на экране, а в фильме "Лютый" меня поразили тот пласт, на который я раньше, возможно, не очень обратил внимание. Это фильм о кошмарном одиночестве. Не просто об одиноком мальчике — здесь все, абсолютно все одиноко, и каждый из героев нуждается в том, чтобы пригреться рядом с другим. Я до сих пор чувствую взгляд мальчика, его переживания, его грустный приход и, может быть, уход из этого мира. То, с чем Толомуш соприкоснулся в своем творчестве, — это то, что волнует человека всегда, от рождения и до смерти.

Петр ПЭТЭРС (сценарист, режиссер): Я нашел свою статью, где речь идет о Киргизской киностудии тех давних лет, там есть такие строки: "Толомуш Океев, звукооператор студии, и спустя годы первый секретарь Союза кинематографистов Киргизии, слыл просто хорошим парнем". Тогда его и представил было трудно режиссером-постановщиком, который сделает такие известные ленты, как "Лютый", "Красное яблоко", "Улан". В то время на киностудии Лариса Шепитко сняла "Зной", Болот Шамшиев снимался у нее в главной роли, Манас Мусаев, оператор Болота, только что поехал во ВГИК поступать, Динара Асанова — неожиданный всплеск очень любопытных, самобытных, талантливых людей. И Толомуш, в общем, довольно логическим образом продолжил этот ряд. Я даже не знаю, почему эта строка у меня осталась в голове: "слыл просто хорошим парнем". Но думаю, что это не так уж и мало.

Нея ЗОРКАЯ: Будет непростительно, если мы не вспомним добрым словом великого актера, сыгравшего в жизни и творчестве Толомуша Океева огромную роль, — Суйменкула Чокморова, безвременно от нас ушедшего.

Когда я смотрела "Лютого", "Красное яблоко", еще раз подумала: какой там Юл Бриннер по сравнению с Чокморовым?! Типаж потрясающий, актер потрясающий. В "Лютом" — это суровый ожесточившийся человек, а ведь его безумно жал.

Валерий ФОМИН: В конце 60-х годов мне в голову пришла шальная мысль — написать книгу. Первоначально она называлась "Четвертое поколение". Книга о тех режиссерах, которые в 60-е на моих глазах вставали на ноги. Это было потрясающее поколение, было из кого выбирать. Я для себя составил список из 15–17 человек, от Тарковского до Параджанова. Не про готовые фильмы я собирался написать, а проследить за съемочным процессом — посмотреть, наблюдать, как они снимают. Ведь если фильмы получаются потрясающие, то, наверное, и сама методика работы у каждого режиссера своеобразная, необычная. А вот какая? Никто этого не знает и, возможно, не узнает никогда, а вот я, такой молодец, съезжу, посмотрю и все потом расскажу и опишу.

Словом, возникла такая заявка, ее в издательстве приняли, и я начал работать. В силу разных обстоятельств кое-кто из кандидатов выпал, и у меня осталась "великолепная семерка". Я ездил в экспедиции, на съемочные площадки, на переозвучивание, даже в Госкино на сдачу фильмов присутствовал. Одним из героев моих наблюдений был Толомуш Океев.

Мне повезло — я побывал на Иссык-Куле, на съемках "Лютого", ставшего впоследствии одним из самых моих любимых фильмов. Увидел, как Толомуш его снимает. Это были поразительные впечатления — от земли, от людей, от Суйменкула Чокморова, потрясающего актера и человека, от оператора Кыдыралиева, еще и замечательно игравшего на комузе. Вернулся потрясенный, написал "вулканический" репортаж для "Советского экрана". Резолюция главного редактора гласила: "За этот репортаж режиссера надо отдать под суд!"

Под суд точно надо было отдавать, потому что все, что там происходило, не влезало ни в какие привычные советские "ворота". Мне было с чем сравнивать: до Океева я уже побывал на площадках у Глеба Панфилова, у Шукшина, Лотяну, Юрия Ильенко. У Толомуша действительно съемки были совершенно особые. Как будто у тебя на глазах праотец формировал землю, создавал степи, леса, животных, птиц и так далее.

Там, где ничего не было приспособлено для съемки, был организован зоопарк — двенадцать волков разных возрастов. Но ни один волк не слушался дрессировщика, никого они не слушались. Беркуты не так летали, лисицы убежали от беркутов. Что-либо организовать и снять в тех условиях, в экспедиции в глухомани, было просто невозможно. И из страшного хаоса Океев формировал фильм. Один эпизод расскажу — наверное, из самых потрясающих.

Мальчик оставался ночью охранять стадо овец, а на кошару нападали волки, и он должен был бросать в них го-ловешки, чтобы защитить стадо. Ограда очень узкая. Мальчишка у костра, ему некуда деться. И вбегают волки... Толомуш сидит с ружьем на случай, если понадобится помощь. Не снять этот эпизод нельзя. Снять его таким способом, чтобы не рисковать, сложно. Снимать можно было только одним дублем. Но не получилось. В первом дубле волки, побежавшие не так, как было рассчитано, свалили мальчишку на костер, он обжог руку. Надо было делать второй дубль. Огромное напряжение, и непонятно, чем все закончится. Действительно страшно. Попробовали овчарок, похожих на волков, однако поведение их тоже было непредсказуемым. Но Толомуш на моих глазах из этого фантастического, очень рискованного мероприятия вышел победителем. Это режиссер-таран, режиссер абсолютно таранного типа.

Когда сдавали эту сложную картину в Госкино, зампред Борис Павленок захрапел на второй части. Возникла ситуация, неадекватная просмотру и с непредсказуемым результатом: серьезный фильм, а в зале смехи, смеются над начальником — а вдруг он притворится? И Толомуш ногой как дал Павленку под стол! Тот встрепенулся, а Толомуш наклонился к нему и сказал: "Сейчас пойдет самый важный эпизод". Не каждый смог бы сказать такое госкиношному начальнику на сдаче картины.

Кино Океева — глубокое, по-настоящему народное кино о трагической истории. И никто так не показал коллективизацию, как это сделал Толомуш в фильме "Поклонись огню".

Тема фильма о Чингисхане, который должен был сделать Толомуш Океев, — выстраданная тема, очень важная для нашей страны, для других стран, для мировой истории. Страшная и во многом поучительная история. Он столько лет пробивал фильм, и замысел остался невоплощенным.

Толомуш ОКЕЕВ: Картина снята, но лежит арестованная в Риме. Я был не режиссером, а художественным руководителем и получателем большой валюты, чем горжусь.

Валерий ФОМИН: Мне картины Толомуша Океева дороги еще и тем, что они затрагивают не просто важные проблемы, а роковые проблемы. Энергия его картин направлена на то, чтобы все сложное, бездонную глубину жизни свести к очень ясному, понятным, доступным вещам. Это для меня один из главных уроков. Если Толомуша сравнивать с кем-то, кто этой дорогой шел, то, конечно, с Шукшиным, так рано сошедшим с дистанции. Они, в моем представлении, — люди очень и очень близкие: оба от сохи, от земли. Выйдя из этого мира в высокопрофессиональную культуру, они запахом своей земли, цену ее, этого народа, всего, что связано с первичным слоем жизни, принесли на экран.

Океев и Шукшин — близки по темпераменту. Это два "бешеных", яростных человека. Их кино сверхэмоционально, чрезвычайно конфликтно.

И последнее совпадение — школа фольклора. За что я еще благодарен Толомушу Окееву, так это за то, что он стал как бы "виновником" рождения моей книги о фольклоре в кино и традициях народной культуры. Другой "виновник" — Шукшин. Василий Макарович сказал мне как-то: я весь вышел из устного народного рассказа; так, как рассказывали мужики на пашне, я хотел бы делать свои фильмы. На Иссык-Куле Толомуш Океев, человек вроде бы совсем другой цивилизации, другого мира, другой природы, всего другого, сказал мне в общем-то то же самое. Сказал, что все свои главные уроки он получил от сказителей народного эпоса и хотел бы делать то же самое. И у обоих это потрясающее получалось. Думаю, что и дальше наше кино, если оно хочет быть живым, должно брать эти уроки, а вам, Толомуш Океевич, — низкий поклон! Спасибо огромное за ваше потрясающее кино!

Одельша АГИШЕВ (сценарист): Выступать после Валерия очень трудно. Он высказался блестяще, тем более, что он сам из этой же народной гущи. Он тонко чувствует основное направление творчества Толому-

ша. Здесь все так хорошо говорили — и точно, и глубоко воспели тебя, Толомуш.

Я могу лишь добавить несколько штрихов. На самом деле Толомуш — человек достаточно жесткий. Валера назвал его яростным. Да, наверное, он яростный. В яростном состоянии я его, правда, не видел. Но то, что он может так "прилепить", что после не отмоешься, это точно. Помню, на семинаре в Болшево как раз после "Лютого", Толомуш увлеченно рассказывал про эти съемки с волками. Проблема заключалась в том, что киргизские волки зажрались. Они не хотели больше жрать овец, ну не хотели! Чего только ни делали — они не нападали, не жрали. Пришлось привезти волков из Москвы! Так что роль киргизских волков исполняли московские волки. Эти сразу все поняли.

Как-то Толомуш приехал к нам в Ташкент и попал на день рождения Джасура Исхакова. Джасур говорит ему: "Толомуш, ты у нас такой симпатичный, кругленький, на пончик даже похож". Толомуш отвечает: "Понял, понял — на пончик, но с начинкой!" Так его с тех пор и зовут "пончик с начинкой".

Ему не нужно изучать материал. Он сам по себе материал. У него поразительная органика! Валера совершенно правильно сравнил Толомуша с Василием Макаровичем. Это человек, которому действительно не нужно идти в народ. Он сам — народ. Он сам — народность, для меня вообще наше среднеазиатское кино началось, когда я увидел "Небо нашего детства", потому что это было небо моего детства. Я и себя в некоторой степени считаю автором этой картины, ты меня извини, Толомуш. Хотя я никакого отношения к картине не имею. Но там все настолько точно, настолько проникновенно, что, думаю, это я там был, хотя на самом деле тысячи километров нас разделяли.

Я родился в Узбекистане, в республике, где "вы" говорят. "Ты" не знают. Братья киргизы правильно говорят: узбеки даже когда дерутся, друг друга на "вы" называют. Толомуш прошел суровую школу жизни и умеет адекватно реагировать, без излишних сантиментов, без излишних "соплей" и "сахара".

Дорогой Толомуш, я о многом мог бы говорить. Живи долго! Дай тебе Бог! Дай тебе Бог всегда быть джигитом. Ты для нас джигит настоящий, который хорошо держится на коне, блестяще ездит. Дай Бог тебе держаться в седле еще 100 лет!

Толомуш ОКЕЕВ: Мы сейчас живем в разных странах, в разных положениях. Живем и по-хорошему, и по-плохому, но всегда с тоской по нашему Союзу, который глупо разрушили. Мы перешли из одного состояния в другое. Это извечная глупость наших евразийцев — качаться из стороны в сторону, перекрашиваться то в демократов, то в народников. Все это были смешные люди.

Я мечтаю в своем новом фильме исполнить гимн нашему евразийскому братству. Я бы хотел исполнить гимн России — со всеми достижениями и недостатками. Со стороны мне будет виднее. Спеть хочу о тех народах, которые живут на евразийском пространстве. Это необходимо потому, что мы не осознаем ни хорошие, ни плохие стороны нашего нынешнего положения. Мы не знаем, кто мы.

Мы владеем 30 процентами мирового богатства. Мы страдаем от огромности нашей территории. Мы, владельцы черной икры и других вкусных вещей, но цены себе мы не знаем. Если хотите оценить Россию, поживите в Турции шесть лет. Я буду счастлив, когда закончу фильм, о котором мечтаю, и представлю его вам в этом неотремонтированном Белом зале. Дай Бог вам дожить до этого.

Ваши слова действительно дали мне "второе дыхание". Я посчитал: за 10 лет (с 70-го по 1981 год) я снял 6 фильмов. В 80-м году снял два фильма. Потом наши казахские братья нас немного подвели и сами "погорели" — получился очень плохой фильм. Потом голландцы подвели. Это все факты, от меня не зависящие. Думаю, так было угодно Аллаху. Потом я поехал послом в Израиль и Турцию, о чем не жалею, потому что очень многое познал, накопил интересного из истории человечества. Ничто, как известно, не проходит зря. Одно жаль мне самому — с 90-х годов я мог бы снять хотя бы пять фильмов.

Материал подготовила
Дарья БОРИСОВА